

Бес

Автор:

Ульяна Соболева

Бес

Ульяна Соболева

Моя! Да! Вот теперь Ассоль принадлежала мне. Вот теперь мне действительно плевать, играет она очередную роль или проживает свою жизнь, говорит правду или откровенно лжёт. Потому что она уже от меня никуда не денется. Моя в самом примитивном смысле этого слова – когда я могу сделать с ней что угодно и когда угодно, и никто и никогда об этом не узнает. понимает ли это сейчас моя девочка? И насколько страшно ей от этой мысли?

Внимание! 18+ Является вольной интерпретацией Любовь за гранью 10. Вторая книга дилогии.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Бес

Глава 1. Бес

Я смотрел на неё и думал о том, насколько она похожа на куклу. На такую заводную, говорящую. Возможно, когда-нибудь научатся производить именно таких: живых кукол, которые двигаются и разговаривают как люди. Возможно,

они даже будут есть и справлять нужду, возможно, они будут петь и танцевать почти как настоящие женщины. Пока я только видел обратное: как становились бездушными куклами живые люди. Красивые, со звонким мелодичным смехом, с отточенными грациозными движениями, живые на вид и мёртвые, полые внутри. Когда-нибудь, возможно, отпадёт надобность в таких вот скучных красивых пустых куколках, которые легко заменялись одна другой. Сколько подобных сменил я сам? Несчётное множество. До фига. Одна ломалась, покупал другую. Тех, которые не разбивались при первом использовании, предпочитал разрушать сам. Ведь это единственное, что мне было интересно делать с ними: проверять, насколько быстро сломается очередная красавица с аккуратным носиком и словно нарисованными чертами лица. К сожалению, все они оказывались слишком хрупкими.

Мне нравилось наблюдать за её реакцией. Нравилось видеть, как сменяются на её лице одна за другой эмоции...и вот я уже с раздражением ловлю себя на мысли, что готов многое отдать за то, чтобы влезть в её маленькую головку и узнать, что она думает обо мне. Точнее, узнать, КАК она думает обо мне. Чувствует ли ту же ненависть, что во мне бьётся в ритме пульса. Тук-тук...монотонными ударами. Ровными, короткими. Тук-тук...к каждому безмолвному слову, бьющемуся в черепной коробке. Вопросы. Так много вопросов к ней, и чёткое понимание – мне не нужны её ответы. Они не способны повлиять более ни на что. Прошло время, когда я жаждал, я алчно жаждал каждый из них. Каждый её правдивый ответ на мои вопросы. О, когда-то у меня даже был список таких вопросов, пронумерованный, хорошо обдуманый, не раз переписанный. Я хотел отдать его ей, ткнуть в лицо и потребовать отчёта по каждому пункту. Нет, даже не так. Я собирался выцарапать эти ответы, выдрать их любой ценой. И я сжёг его. Сжёг, потому что однажды просто понял: я не услышу истины от неё. Даже если сумею поймать, а я был уверен в том, что сделаю это рано или поздно. А потом вдруг словно удар по голове – а мне не нужны её ответы. Мне не нужны причины её поступков. Сделала, как сделала. Смогла обмануть – молодец. По хрен, в каких целях, смогла использовать, – именно она и права. Это была её победа. Тогда. Потому что всё же наша игра состояла из двух таймов, и теперь настало время моего хода. Настало именно тогда, когда пропало желание выяснить что-то из того, нашего с ней общего прошлого. Нет, оно не испарилось неожиданно, оно погибало долго и мучительно, пока не сдохло, оставив после себя вонь прогнивших насквозь останков из веры и какой-то нелепой надежды, что имеет значение всё, что она скажет. Не имеет. На самом деле не имеет. И она сама больше не имеет для меня никакого значения. Та девочка...моя обворожительная, моя ослепительная девочка, связь с которой стала наркотиком иного уровня...сверхзависимостью,

той самой, унизительно-непрерывной, когда даже возможность о расставании казалась катастрофой...та девочка ведь была не больше, чем плодом моего воспалённого, моего больного сознания. Я сам себе придумал её, попавшись на лживые речи ребёнка с кукольной внешностью. Это на самом деле оказывается очень просто сделать – вот так ошибиться, поверить, когда сам ты моральный и физический урод. Впрочем, она ведь не виновата в том, что я родился таким. Смогла использовать мои слабости себе на пользу – умница, девочка! Теперь всё же пришло время получать по заслугам. Нет, моральные уроды не становятся вдруг красавцами, они превращаются в самых страшных монстров именно в тот момент, когда разочаровываются в близких людях. Ассоль не повезло. Моим злейшим врагом и самым близким человеком была именно она.

Дьявол...если бы я знал, что переживу ещё не одну сотню таких катастроф. И ведь я не могу обвинить её в этом. Насколько бы хороша она ни была в своей лжи, это всецело моя ошибка. Это я облажался и повёлся на её обман. И именно поэтому пульсация ненависти в голове увеличивается, бьётся активнее, причиняя уже едва ли не физическую боль, заставляя впиваться кончиками пальцев в виски, чтобы утихомирить эту тварь внутри. Тук-тук...тук-тук...тук-тук...

Впрочем, разве это отменяет её предательство? Маленькая наивная девочка не могла так быстро превратиться в законченную расчётливую стерву, а значит, Ассоль всегда именно такой и была. Хладнокровной, пронизательной дрянью, очень тонко сыгравшей на моих чувствах, а когда эта игра стала её обременять, попросту растоптавшей их к чертям собачьим. И снова напоминание себе – ты ведь мог не позволить подобного. Не будь жалким, Бес. Не оправдывай себя, как последний жалкий нарик. Ты мог не подсаживаться на этот наркотик, не позволить тонкой заражённой игле войти в твою плоть и впрыснуть яд с названием «Ассоль» в твою кровь. Сильнодействующая дрянь. Продержалась гораздо дольше всех остальных отрав, которые когда-либо в меня вводили. И без всякого распада вещества. Оно так и осталось циркулировать в венах, подбираясь каждый день к самому сердцу ровно настолько, чтобы вызывать одновременное желание и сдохнуть, и жить...жить, жить, жить. Сдохнуть, чтобы прекратить эту агонию, растянувшуюся в более чем десятилетие...и я понятия не имел, как мне это удавалось. И в то же время адски хочется жить, чтобы заразить этой отравой маленькую зеленоглазую дрянью с лицом ангела и душой самого гнусного из всех демонов.

И ни хрена этот яд из организма не выводится. Я с его привкусом во рту просыпаюсь и с ним же засыпаю, мечтая только об одном – когда-нибудь сумею сделать вдох полной грудью, с ощущением свободы, без этой расщепляющей на молекулы боли.

Она спит. Обессиленная уснула поперёк своей кровати. Прямо поверх покрывала. А я так уже больше двух часов, словно пёс верный, и от этой преданности своей жалкий, сижу возле клетки, вцепившись пальцами в стальные прутья верёвки, и на неё смотрю. Любуюсь. Психопат конченный. Просто смотрю, как дышит она. Сам себе запрещаю подойти близко. Потому что нельзя. Отвык организм от дозы её, приучать себя теперь к ней нужно помаленьку...иначе снова крышу снесёт. Если от одного взгляда на мерно поднимающуюся и опускающуюся грудь так колбасить начинает, что, кажется, прутья решётки ходуном ходят. А это я...это меня так колотит от запаха её одного. Твоя мать ведь не просто эксперименты ставила, девочка. Она ведь сверхчеловека создать хотела со звериным чутьём и выносливостью, без изъянов, идеальную машину для убийства, способную не жрать и не пить подолгу, свободную от любых зависимостей. У неё почти получилось. Не человек я. Вот только она просчиталась. Смешно. Я, когда понял это, долго хохотал над ней и над собой. Ошиблась она таки. Потому что оказался я повёрнутый на тебе, на запахе твоём, на цвете твоих глаз, который мерещится каждую сраную ночь вдали от тебя, и на звуке твоего голоса. Иногда глаза закрываю, и вижу, как смотришь на меня, а у меня от взгляда твоего нутро переворачивается, и ощущение, будто сам ожил, хоть и понимаю, что трупом давно по миру этому хожу. Я в такие моменты даже ладошки твои на лице своём ощущаю, и мне от них то тепло приятное греет, а то льдом кожу обжигает так, что приходится бежать в ванную и под кипяток вставать, чтобы отогреться. Недочеловек. Вот каким сделала меня эта одержимость тобой. Моя единственная слабость.

И она же придавала смысл жить все эти годы, выгрызая у расчётливой склочной суки-судьбы каждую, буквально каждую корку хлеба, и плевать, из чьей руки мне придётся её выбить, и какой черствой она будет. По хрен. Со временем я вообще перестал ощущать вкус любой еды. Словно жевал резину, пластмассу без вкуса и запаха. Имело значение только, чтобы эта дрянь дала силы открыть глаза в очередное утро очередного дня. Имело значение только то, что я ещё на один день приближался к своей цели. Ты – моя цель. Когда-то казавшаяся недостижимой. Но ведь и я изменился за это время. И я научился выгрызать то, что действительно хотел. А я хотел всегда только тебя.

– Мутный ты, Бес...слишком мутный, чтобы тебе доверять.

Тигр сплюнул сквозь дырку между зубами и прищурился, внимательно глядя мне в лицо. Одна бровь, укороченная порезом от ножа, из-за чего всегда кажется, что она вздёрнута, поднялась ещё выше. Изучает. Впервые изучает так долго, неторопливо. Явно получил какие-то гарантии, раз такой спокойный. Правда, мне было всё равно. Я понимал, что нужен ему и не только...но и он теперь стал нужен мне, а значит, пусть изучает.

Молча пожал плечами, сидя на полу и прислонившись головой к холодной стене. Точнее, это они все говорили, что стена холодная. И пол. Не знаю. С некоторых пор я не ощущал ничего. Ни-че-го. Ни холода, ни жары, ни голода, ни усталости. У меня никогда не было особой потребности разговаривать или слушать чужие разговоры, поэтому какое-то время я просто существовал в отдельно взятой камере вместе с другими заключёнными. Я автоматически запоминал их голоса, не привязывая к именам, и не глядя в лица. Зачем? Любого из них я мог разорвать голыми руками при надобности, а пока они меня не трогали, они не были мне интересны.

Тупо закидывать в брюхо любую самую отвратительную похлёбку, отдалённо отмечая, как плюются с неё зэки. Ну и пусть. Вкус? Я потерял чувство вкуса. Я разучился сны видеть. Очень редко. И во всех она. Причём всегда начало сна – её глаза зелёные колдовские, блестящие тем самым блеском, от которого крышу сносит и смеяться хочется от счастья. Смеяться, потому что оно, проклятое в груди отчаянно бьётся, щекочет рёбра, лёгкие, растягивает губы в дурацкую улыбку только от одного взгляда в эти ведьмовские омуты. И я смеюсь. Я, оказывается, по ночам смеюсь. Когда Тигр наутро сказал об этом, не поверил поначалу. Потом дошло – вот отчего потом в груди болит. Словно снарядом разорвало. А как иначе, если потом фокус смещался на живот её круглый и на кольцо. На чужое кольцо. На то, что не я дарил. Не моё оно. И ребенок не мой. И она моей никогда не была. И улыбка её на моих глазах в оскал превращается, а уши начинает от её дикого хохота животного разрывать болью. Она – моя боль.

– Ни хрена ведь о тебе неизвестно. Не нравишься ты мне...ох не нравишься.

Врал Тигр. Ещё как врал. Потому что я не просто ему нравился. Самсонов мной восхищался. Скрывал свои эмоции, но и гнობить не мог, как других. Когда и не кулаком даже, а презрительным взглядом, от которого тушевались и огромные амбалы. Мне в глаза Тигр стал недавно смотреть. С тех пор, как понял, что разрешено это. До этого взгляд отводил. Как хищник, который чувствует рядом с собой более сильного...и не решается бросать вызов, потому что понимает – проиграет в любом случае. За то, что я сделал, мне грозила не одна смертная казнь, а с десятков. И терять мне было больше нечего, кроме постоянной агонии, в которой кровоточила душа. А им всем жить до одури хотелось. Вот и перестали связываться со мной от греха подальше.

Тигр второй день меня на разговор выводит. Впрочем, я даже не удивлялся. Судя по тому, что слышал, люди ему нужны были для своих дел, каких – я не интересовался на тот момент. Зачем? Цель у меня была своя и местных авторитетов не касалась. Так я поначалу думал. А вот он меня отметил. Видать, после того, как на прогулке ублюдку одному не просто шею свернул, а голыми руками живот разодрал, а после смотрел, как вертухаи обыскивают меня, приставив автомат к голове, в поисках оружия, которым брюхо вспорол идиоту, решившему самоутвердиться за мой счёт перед мужиками. И это чистейшая правда, что первыми умирают идиоты, потому что соперников себе по силам выбирать надо уметь. Конечно, ничего не нашли, а через некоторое время из нашей камеры увели Дрозда, приписав ему это убийство.

Степан Тимофеич долго потом тяжело вздыхал и всё в глаза мои заглядывал. Чёрт его знает, что он там искал, но, видать, ничего не нашёл, раз решил спектакль не играть и прямо к делу приступил. Сказал: начать сотрудничество с Тигром, и меня выпустят. Не сразу, конечно. Через несколько лет, но это лучше пожизненного или смертной казни. Ну, он думал, что получше. Мне было снова по хрен. Какая разница, когда моё тело сдохнет, если внутри меня уже вовсю то самое «ничего» расположилось и воняло абсолютным безразличием ко всему происходящему? Нет, оно, родное, периодически выдавало приступы агрессии, но это, как считал Тимофеич, побочный эффект от проводимых Ярославской исследований...а ещё реакция на любые воспоминания о НЕЙ.

Тимофеевич кстати периодически любил напоминать о ней. Нашёл, тварь, мою больную точку и редко, но ооочень метко любил надавить на неё своим

мясистым пальцем с обгрызенным пожелтевшим ногтем.

Степан Тимофеевич Заплатов – чинуша, вызывавший только отторжение и не более того...а да, ещё неумное желание приложить ублюдка носом о стол при каждой встрече, но с этим я научился побороться, подавлять в себе, понимая, что с Заплатовым нас объединяет общая цель и стремление увидеть, как дело знаменитой Ярославской вместе с ней самой будет похоронено в самой глубокой яме, откуда эта сука уже никогда не сможет выбраться. И я готов был разодрать глотку любому, кто встанет на моём пути и попробует добраться до этой мрази первым.

Но я и не был настолько наивен, чтобы поверить в доброго дядю Стёпу с неумным желанием помочь советскому Маугли освоиться в этом жестком мире тюрьмы. Да и не обещал он мне ничего подобного. Помощь обещал, если сдам Монстра. Защиту обещал от ментов и надсмотрщиков. А ещё от местных авторитетов. Свободу обещал...только мы оба понимали, что свобода эта будет неабсолютной, мнимой. Своеобразной иллюзией, которая продлится ровно до тех пор, пока будет нужна тем, кто отправил его ко мне. А ещё он обещал помочь мне в моей мести...ублюдок отлично подготовился к работе со мной. Он давал смотреть видеозаписи, снятые издалека и потому едва прослушиваемые...но на них я чётко различал ничтожного Бельского и Ассоль. На них я смотрел, как он рывком притягивал её к себе, и она рыдала, уткнувшись в его грудь, пока тот с видом какого-то конченого наркомана гладил её волосы, всё сильнее прижимая к себе. Та самая поговорка про «рыбак рыбака». Ведь я видел ровно такую же одержимость в каждом его действии. Ровно такую же, что меня грызла все эти годы. Одержимость одной и той же дрянью. Сучка оплакивала крах их с матерью дела на плечах своего любовника...а я в этот момент чувствовал, как всё сильнее извиваются в предсмертных судорогах останки моей души...пока всё же окончательно не сдохли.

И тогда Заплатов приступил к своей основной миссии. А вообще странно было понимать каждое действие своего оппонента, предугадывать каждый его следующий шаг...и не испытывать желания обыграть его, оставить ни с чем. Абсолютное безразличие, апатия к его словам и обещаниям...пока однажды он не принёс то единственное, что вызывало дикую жажду жизни. То единственное, что заставило снова циркулировать кровь уже истлевшую оболочку сердца. Он принёс дело на Ярославскую, последними строками которого было сообщение о том, что старая сука исчезла, просто испарилась, предположительно, в странах Европы или в США, лаборатория временно

закрыта, а её единственная дочь благополучно вышла замуж за Виктора Бельского. Фотография со свадьбы была пришита к делу...Заплатов лишь недовольно буркнул что-то, когда я содрал её, чтобы приблизить к лицу и рассматривать...со временем я выучу каждую её мельчайшую деталь, продумаю всё, что не вошло в неё настолько подробно, будто сам присутствовал в этом фарсе. Буду представлять эту свадьбу так, словно был на ней почётным гостем. Хотя нет...фотография была настоящей. Как и свадьба её с ублюдком-мажориком. Как и платье её белое настоящее. И улыбка его триумфальная и довольная. Фарсом был я в её жизни. Фарсом были мы и она...моя Девочка, которой на самом деле не было.

Впрочем, теперь это всё не имело совершенно никакого значения. Заплатов сделал самый верный ход в своей игры – он дал мне цель, ради которой востребовалось желание жить и мстить. Оно вдруг взметнулось вверх, оставляя внизу тот самый зловонный труп безразличия. Взметнулось, чтобы расправить чёрные крылья своей ненависти и яростной жажды возмездия.

– Он обеспечит тебя нужными связями и возможностями. Ты больше его не сторонись. Тигру тоже пришёл указ взять тебя под крыло. Сам понимаешь: такими, как ты, там, – Тимофеич выразительно поднял указательный палец вверх, – разбрасываться не будут. Так что хватайся за этот шанс, Саша. Либо ты выходишь на свободу на наших условиях, либо возвращаешься в неволю, но уже на других.

Придурок...если бы ты знал, что угрозы не значили ничего в сравнении с улыбающейся рожой Бельского на фотоснимке. В сравнении с ней, живой, здоровой и счастливой в то время, как я продолжал подыхать и воскрешать каждый грёбанный час своей жизни.

Глава 2. Бес

Тигр был умным старым сукиным сыном, ведь несметные сокровища я должен был достать для него самого и взять себе лишь свою долю. Конечно, я понимал,

что мой Фариа подышать в ближайшие дни не собирается и карту мне не предоставит, а может, и вовсе сольет меня, после того как я сделаю то, что он просит. Только мне было нечего терять. И я рискнул. Всего-то поехал на север и убрал «вора в законе» и рыбного короля – Геннадия Васильчука, который костью в горле стоял у Тигра, мешая загрести под себя жирнейший и лакомый кусок. Убрал так, как просил Самсонов, он же Тигр – грязно и кроваво, чтоб все знали, чьих рук дело. В одно прекрасное утро судно Васи подошло к берегу, заполненное не рыбой, а мясом. Человеческим. Вряд ли их смогли опознать, не то, что похоронить в открытых гробах.

Тигр отвалил мне и еще двум пацанам, которые ходили подо мной по его приказу, около десяти вагонов с довольно дефицитными продуктами: макаронами из Югославии, импортным табаком и отечественной тушенкой. Товар ушел мгновенно, и я принес Тигру первый клад в виде лимона зеленых. Бешеные бабки по нынешним временам. Я отродясь не видывал и не слыхивал о суммах таких. Первое время вообще на деньги смотрел, как на никчемные бумажки. Моя маленькая Ассоль учила меня всему, кроме меркантильности, и сама же продала за брюлики и богатую жизнь со своим лошком-мужем. Тигр же в меня вбивал информацию примерами и личным опытом. В том числе и как вести бумажкам счет. Пацанов Самсонова я потихоньку со временем убрал. Я хотел, чтоб со мной рядом были проверенные мной люди, а не его верные шестерки. Да и северная братва смирилась с нашествием волков (так нас называли местные) и исправно платили свою долю в общак. Но мы с Тигром говорили совсем о другом кладе. О целой пещере, наполненной сокровищами, которая кормила бы нас долгие годы. Он обещал мне будущее не хуже, чем у арабских шейхов. Я не верил, но ощутить на себе, как живут шейхи, мне все же хотелось. Тогда я начал присматриваться к властям, которые все еще не собирались с нами сотрудничать и упорно прикрывались коммунистической честностью, неподкупностью и страхом ссылки...В Сибирь? Я мог им оформить только расстрел, о чем и поспешил популярно объяснить.

Меня интересовали рыболовецкие коммерческие структуры. Мы с Самсоновым проббили, что государству данные структуры не подчиняются, как бы они ни утверждали обратное, а все бабки, сделанные на этом бизнесе, просачиваются в оффшорные зоны сквозь пальцы правительства.

С властями я договорился своими старыми методами, которые так не любил Тигр. Пожалуй, это были последние разы, когда я добивался результата физическим насилием такого плана. Антонов – губернатор округа распрощался с

тремя пальцами и с ухом перед тем, как дал мне официальное разрешение вывезти первую партию минтая в Южную Корею и Японию. Я щедро заплатил капитанам суден и владельцам, а также за «слепоту и немоту» японских портовых офицеров и чиновников. Со временем у меня появился свой штат хорошо прикормленных людей в портах.

– Нееееет, Саня, неправ ты, ох как неправ. Бабу-то нельзя упускать из виду. Бабу, её вот тут, – Кощей сомкнул пальцы в кулак и потряс им, – вот тут держать нужно. И чтобы пискнуть не смела. Свобода, она не про любовь. Не любит эту тварь любовь. Не уважает. Соперницы они злейшие. Как увидит, что где-то у кого в семье эта дрянь наглая затесалась, так уходит она. А чего ей оставаться? Любовь – это же не кровать одна. Это не физика. В душе она должна быть. Под кожей узорами плестись. В подкорке мозга. Это кандалы. Тяжеленные такие. Идешь ты в них, и мысли не появляется даже по сторонам смотреть. И женщины-то вокруг все разом испаряются, а только люди женского пола ходят, к которым по вопросам разным обращаешься. А хочется только свою. И любится её одну только.

Кощей закашлялся, прикрывая ладонью иссохшие губы. Приложил к ним стакан с водой, придерживая голову старика за затылок. Сдал он в последние недели. Резко сдал. Но онкология никого не щадит. Всех косит без разбору: богатых или бедных. А может, и не она столько, сколько справедливость. Хрен её знает. Наверное, и не должно было по-другому быть. Вон дети сплошь помирают от рака, потому что денег нет у родителей. Маленькие, невинные. Не успевшие и мира посмотреть, не то, что зла в него принести. А вынуждены точно так же сгорать на глазах любящих родителей, которые с ума сходят в своём бессилии. А Кощей...ведь не зря таким называли. Ведь и олицетворял для города нашего, да и не только, он самое истинное Зло во плоти. Сколько бабла вбухал в своё лечение – и ничего. Даже смирился как-то что ли...только философствовать стал много в последнее время. Никогда особо словоохотливым не был, за что я и любил его, а тут прорвало словно старика. Никого видеть не хотел рядом, кроме меня. Скрывали мы от всех болезней его, благо, врачи все прикормленные были.

– А те, кто иное кричат...эти вот, – Кощей болезненно сморщился и снова зашёлся в приступе, раздражённо руку мою с бокалом оттолкнув, наконец, успокоился и продолжил, – не надо...так вот, эти вот, что за уважение в отношениях, – лицо старика брезгливо скривилось, – те, что за свободу и личное

пространство, шлюхи это самые обыкновенные, Саш. Шлюхи и олени. Ибо баба никогда свободы не захочет от любимого мужчины. Она не им самим даже, а именем его жить будет, а других мужиков отваживать взглядом одним. На хрен ей сдались те, другие, если руки в кандалах, цепь их по ту сторону к его несвободе прибита? И смотреть они могут даже через толпу чужих мужиков и баб, а видеть только своих. Вот она какая, любовь настоящая, а не эта ваша, – Кощей сплюнул на больничный пол.

– Ты чего это разговорился, Ефимыч? Никак невесту себе нашёл? – сел рядом с ним, улыбнувшись его недовольному взгляду из-под кустистых бровей, – Так ты только свистни – мигом тебе свадьбу самую шикарную отыграем...фрак тебе прикуплю модный, чёрный, с блёстками.

– Дурак ты, Тихий...вот самый умный из всех сукиных детей, что я по жизни своей долгой встречал, а всё же ой какой дурак! Думаешь, я про девку твою не знаю? Ты это...расслабься...сразу зверем не гляди. Думаешь, твои эти фортели мимо меня прошли?

Кощей засмеялся старческим смехом и снова в кашле зашёлся.

– Дела ворочаешь, людей пачками убиваешь, а решил, что сумел вокруг пальца старика Кощей обвести? Да я в своё время таких, как ты ...ууух, – и снова кулак сжал, и глаза блеснули самодовольно, – Да ты ж за ней, как щенок привязанный по следам...столько лет.

– Ты за словами-то, Кощей, следи..., – тихо, зная, что воспримет правильно даже шёпот, – не думай, что тебе болезнь твоя в случае чего поможет.

– Да знаю я, знаю, – он отмахнулся, с выдохом откинувшись на подушку, внимательно на меня смотрит, изучающе так, будто впервые видит, – знаю, что и не играешься мне тут в благодарного, по своей воле сидишь с дряхлым дедом, но и кончины моей ждёшь. Власть, она сладкая. Она манит призывно, и чем больше получаешь её, пробуешь, тем больше хочется. Ты не отрицай. По себе знаю. Да ты и лучше меня, Тихий. Я бы на твоём месте ещё месяц-два назад подушку приложил к лицу немощного, место его занял. Чего уж проще? Не стал бы время тянуть, власть, она медленных не любит.

– Ты за меня не беспокойся, дед. Я своё в любом случае возьму. И тебя мне не надо для этого убивать.

– И это я знаю, – он удовлетворённо кивает, – за что и благодарен тебе. Мужик ты. Настоящий. С таким не страшно ни бабе, ни ребенку, ни авторитету. Дура твоя краля. Дура полная, раз такого потеряла и вернуть не хочет.

– Кощей, – предупреждающе...

– Да ты не ерепенься. Ты меня послушай. Не знаю, что у тебя там за история. Тигр, чтоб его черти на том свете разодрали, тоже ни шиша не знал. Ни кто ты, ни откуда, ни с кем связан будешь. Сильный ты этим. Не только характером своим, – Кощей тяжело выдохнул и замолк надолго, прикрыв глаза, так, что я даже решил, что он просто уснул, но вдруг старик встрепенулся, – но и тем, что не подкопаться под тебя. Не за что схватить, понимаешь? Думаешь, я не пробовал? Доверия-то я однозначно к пареньку с глазами волка и повадками самого дьявола не испытывал. Столько раз руку свою вскидывал, чтобы ухватиться за места твои больные, а ладонь только воздух хватала и от злости разжималась. И надо ж, – снова засмеялся, – прямо перед смертью увидел эту твою...опухоль. Она ж как моя, Саша...только мою не отрезать больше. А если и отрежут к чертям, то один хрен – сдохну. А твою можно убить. Можно избавиться, пока не разрослась. Не я один искал слабости, Бес...не позволю никому эти твои кандалы против тебя ж использовать. Они ж по ту сторону одну лишь пустоту окольцовывают. Лечись. Не жалею денег никаких...и не только денег. А то наматает кто-нибудь догадливый и предприимчивый цепь твою себе на руку и управлять тобой будет.

Ошибался дед. Ой как ошибался. Невозможно мне было от этой опухоли спастись. Лишиться её казалось более невыносимым, чем жить, зная, что погибаю, что каждый следующий час с ней в моей плоти продлевает агонию, приближает к смерти жуткой и беспощадной.

Невольно потёр свои запястья, по-прежнему глядя на неё спящую. А вот в этом Кощей не обманул. Я действительно чувствовал те самые кандалы на них.

Чувствовал, как стягивают они кожу до боли. Иногда даже манжеты отворачивал, проверяя, не остались ли на коже следы, и мне казалось, что я вижу их. Вижу отметины от острых металлических зубьев, впивающихся в плоть, в самую кость, не позволяющих сделать ни одного лишнего движения без моей любимой спутницы-боли. Прав был Кощей...ни на кого не даёт эта боль посмотреть так, как на неё.

Глаза видят стройные фигуры, сиськи круглые, полные, задницы соблазнительные, губы пухлые...а воображение другую картинку дорисовывает. Я его победить пытаюсь, сломать. Первое время даже ни одной темноволосой. Только блондинок трахал. Противоядие искал. От неё. С другим цветом глаз, с другой формой губ и носа. А всё равно очухивался обзлѐнным на то, что кончить часами не могу. Что вгрызаюсь зубами в её шею, в грудь, полосую их сталью или жгу воском...а самого колотит от раздражения на то, что вкус кожи не тот, что волосы слишком светлые, да и стоны слишком томные, словно наигранные. А мне плевать. Их не хотелось возбуждать так, чтобы трясло, как её когда-то. Впрочем, трясло её, потому что она была самой настоящей бл**ю...или же виртуозно играла свою роль, написанную для неё тварью-мамой. Разве отличалась она от них? Неа. Только эти были честнее. Эти не скрывали, что их привлекло во мне. И что ноги раздвигали передо мной из-за денег или же от страха. И я щедро вознаграждал их за эту честность.

Ассоль вдруг застонала во сне, словно от боли, и я на ноги вскочил и решѐтку на себя дѐрнул чисто инстинктивно. И тут же сам на себя выругался. Кретин чѐртов! Прав был Кощей и в том, что как привязанный за ней. К ней. Для неё. Потому что ничего больше не имело смысла. Вообще. Никакого. Только она. Мой маяк в абсолютном мраке, полном самых ужасных голодных чудовищ, и одновременно мой камень на шее, который тянет ко дну, в пасть к самому голодному из монстров. Остановился, смотря, как переворачивается, как хмурится и стонет что-то. Кажется, имя какое-то произнесла, но так тихо, что не разобрал. Скорее, выдохнула его, а не сказала. Единственное, что понял – не моё. Однозначно не моё. Да и почему решил, что оно должно быть? И почему в очередной раз в груди разочарованием кольнуло? А и чѐрт с ним! Какая разница, что она говорит, если все её слова, сказанные мне до этого, были ложью? И плевать, что выть хочется каждый раз, когда думаю об этом. Столько лет прошло, а не могу...реветь зверем хочется, и кажется, не сдержусь однажды.

Но нельзя. Потому что прав Кощей был. Слабость это моя. А мне нельзя быть слабым. Только не тогда, когда мой список стремительно сокращался, когда мне

оставалось так мало до того, чтобы достать её суку-мамашу. И она поможет мне в этом, хочет того или нет. Я уже приготовил всё для добродушного приёма доктора. После того, как наиграюсь вдоволь с её единственной дочуркой и её неудачником-мужем. И они зря считают, что время стерло их долги. Некоторые мало просто отдать, их даже мало смыть собственной кровью. Их хоронят вместе с должниками заживо.

Она потянулась, сидя на своей кровати, затем посмотрела по сторонам, на мгновение застыв, словно после сна не сразу поняла, где находится. Вскочила на ноги, обхватив себя руками за плечи, и я подался вперёд к камере слежения, чтобы насладиться выражением осознания на её лице. Оно тут же сменяется ужасом...и каким-то смирением. Череду эмоций, как в фильме...отработанная или настоящая, я уже не знал. Тем более, когда Ассоль прошлась по своей клетке, все так же продолжая себя обнимать...но как изящно, чёрт бы её подрал, она шла. Словно по красной ковровой дорожке, а не холодному бетонному полу своей камеры. А меня пронзило осознанием собственного наслаждения. Моя! Да. Вот теперь Ассоль принадлежала мне. Вот теперь мне действительно плевать, играет она очередную роль или проживает свою жизнь, говорит правду или откровенно лжёт. Потому что теперь она от меня никуда не денется. Моя в самом примитивном смысле этого слова – когда я могу сделать с ней что угодно и когда угодно, и никто и никогда об этом не узнает.

Понимает ли это сейчас моя девочка? И насколько страшно ей от этой мысли? Впрочем, я думаю, что навряд ли. Наверняка, до последнего будет надеяться на то, что её спохватятся, будут искать. Всё же отечественная звезда кинематографа. Да вот только у меня для неё уже была приготовлена легенда. Легенда, которую уже активно распространяли мою люди. Согласно ей, связь с самолетом, в котором летела на съёмки своего нового фильма знаменитая актриса Алина Бельская, была внезапно потеряна, а сейчас уже, наверняка, поисковые службы обнаружили обломки аппарата, на котором она прибыла на остров. А среди этих обломков – и останки молодой женщины и экипажа самолёта. Естественно, бортовые самописцы выдадут ту информацию, которая выгодна мне сейчас. И тогда я, возможно, даже позволю ей посмотреть на собственные похороны по телевизору, в последний раз посмаковать народную любовь и обожание. Потому что потом она останется один на один с моей ненавистью. С той самой, которую я вижу ответным блеском в глубине зелени её

взгляда.

Глава 3. Бес

– Александр Владимирович, она увидеться хочет, – Егор замялся, сминая татуированными пальцами чёрную короткую шапку, которую носил, кажется, в любое время года, обычно закатывая её снизу так, чтобы не видны были две прорези для глаз. Зимой он менял её на такую же вязаную, и обязательно с теми же дырками. Говорил, что никогда не знаешь, когда понадобится лицо скрыть.

– Хочет? – сдержав улыбку, когда он как-то резко глаза прикрыл веками. Да, ведь парень, как и весь остальной персонал сразу же усвоил, что моя гостья здесь на особых правах, пусть даже их у неё по большому счёту и не было. И она могла жить хоть в клетке, хоть в моей спальне, никому из них в голову не придёт отнестись к ней иначе, чем с уважением и осторожностью. Что мне нравилось в этих ребятах – никаких особых распоряжений по этому поводу я не давал. Только относительно её кормления и наблюдения в те дни, когда самому приходилось улетать с острова. И в то же время я был уверен – ни один из них не посмеет пальцем притронуться к пленнице или даже заговорить с ней. Жалость ли, похоть ли, сочувствие ли...любые эти эмоции меркнут по сравнению со страхом. Со страхом ошалелым, почти животным. И я постоянно подпитывал в них его, давая чётко понять: своим людям я прощаю всё, кроме предательства. Предательством автоматически считалось любое, даже малейшее нарушение моих приказов.

– Требуется. Римма сказала.

Римма – это девушка, которая как раз и следит за Ассоль в моё отсутствие. Она же и кормит, и убирает в её комнате. Всем остальным туда вход запрещён, потому что все остальные на этом клочке земли – мужчины.

– Пусть требует.

Понимающий кивок, и Егор, бывший десантник, отсидевший десять лет за убийство шлюховатой жены, разворачивается, чтобы уйти. Хотя, конечно, ни хрена он не понимает. Простой мужик, в голове которого навряд ли укладывается необходимость содержать молодую красивую бабу, которую ещё и по телевизору регулярно показывают, у чёрта на рогах да в дорогой клетке. Обустроить для неё целый комплекс зданий. О, да, у меня для моей девочки были припасены интересные испытания. И я очень надеялся, что ни одно ей не понравится. Для таких, как Мороз, сначала «служивших» Кощею, а теперь перешедших «по наследству» мне, всё это казалось бредом и глупой тратой времени. Все мои действия с Ассоль. Нет, конечно, никто и заикнуться б не посмел или вопроса какого-нибудь задать, да и взгляды зачастую они прятали, скрывая любые мысли по этому поводу. Но иногда я всё же успевал заметить недоумение, мелькавшее в глазах. Потому что в нашем мире женщины были лишь материалом. Поначалу интересным, после – отработанным, который стоило выкинуть на свалку. Исключение составляли только родные по крови...или жёны. У меня не было ни того, ни другого, и все они знали об этом.

Чёрт...а ведь я и сам удивлялся себе. Почему-то, когда разрабатывал всю схему похищения и дальнейшего содержания Ассоль на острове...а я не просто всё тщательно обдумывал, но и подолгу рисовал связи между действиями карандашом на листе ватмана, ведя стрелки от каждого, даже самого незначительного, на первый взгляд, персонажа моего спектакля к его шагу...так вот когда я всё это скрупулезно вычерчивал, почему-то представлял, как возьму её в первую же ночь. Бл**ь, да это было настолько естественно...само собой разумеющееся, как подыхающему, иссохшему от жажды путнику сделать долгожданный глоток живительной влаги из обнаруженного источника.

А сейчас я стоял у этого самого оазиса и не мог заставить себя нагнуться к кристально чистому озеру, чтобы, наконец, напиться. Мне казалось, я буду пить её жадными глотками, захлёбываться ею и продолжать пить до тех пор, пока не станет противно, пока не начнёт вызывать отвращение одна мысль о воде.

Но теперь что-то не позволяло взять её сразу. Нет, не жалость и не наивные розовые воспоминания о нежности, с которой когда-то она сама протягивала мне флягу за флягой. Раздумывал об этом все эти дни, пока не понял: там, в озере я вижу слишком чёрную, слишком мутную воду. А должен – своё отражение. Я смотрю в её гладь и вижу лишь тёмные подтёки яда, извивающимися скользкими тварями поднявшиеся к поверхности озера. Стоит только опустить туда руку, как они набросятся на неё, чтобы сожрать, чтобы разесть до костей,

до полной ампутации конечности.

Просыпался среди ночи именно от этого сна. Всё казалось, если сделать ещё один шаг вперёд, если приглядеться получше, то можно увидеть сквозь густые, вонючие пары отравы ту самую чистую, хрустальную, прозрачную водную гладь...и уже через секунду это наваждение спадает, уступая место омерзению к тварям, раззявившим свои зубастые пасти в предвкушении жертвы, и к самому себе, способному шагнуть в это уже болото ради мерзавки, так просто забывшей обо мне.

Хотя сейчас я был уверен: ни хренааа...сейчас она помнила обо мне каждую минуту своей жизни. Каждую ничтожную секунду, в которую её ломало от неизвестности и страха. И мне нравилось думать о том, что она боится. Смешно. Когда-то я готов был выдрать собственное сердце из груди и преподнести ей, только чтобы доказать, что не причину вреда, чтобы никогда не увидеть и проблеска боязни в зелёном мареве её глаз. Сейчас? Сейчас я наслаждался этим зрелищем. Перематывал камеру наблюдения, увеличивал изображение и, поставив запись на паузу, застывал перед монитором в поисках того самого страха...а после впадал в состояние, близкое к оргазму, когда находил. Ведь в этом и заключается самая настоящая власть над человеком. Не в клетке, не в поводке или ошейнике, не на конце иглы. Нет. Это в страхе. Даже если она за километры от тебя. Даже если между вами города, страны и долгие годы разлуки. Страх. В нём и только в нём одна моя власть над ней. Я поддерживал его в девочке всё это время. Мне с некоторых пор катастрофически мало просто её тела. Мне душу её надо. Вытрясти. До крошки всю. До последней капли высосать, опустошить. Её тело...оно ничем не отличается от тысячи таких же. Всё дело в яде внутри неё. Том, что делает это тело тем самым моим наркотиком, той самой моей грёбаной одержимостью, которая выкручивала изо дня в день все эти годы.

– Александр Владимирович, – Мороз развернулся у самой двери, – не ест она ничего. Римма завтрак её к ужину выносит, а ужин – следующим утром.

– Хорошо. Можешь идти.

Упёртая ведьма. Впрочем, разве я ожидал, что с ней будет иначе? И ведь меня заводила эта игра. Заводила, и в то же время я начинал подсаживаться теперь

не только на эту дрянь с глазами русалки, но и на любую информацию о ней. Звонил из Питера или из Берлина на остров, чтобы услышать от Риммы, как она провела день. И плевать, что каждый следующий звонок был похож на предыдущий, за исключением названий блюд. Мне просто нужно было услышать, что она проснулась, что она в том же месте, заключённая в моей клетке, в моей власти.

Включил снова монитор, приближая лицо к экрану и глядя на сидящую на кровати женщину. Она похудела и очень сильно. Стала почти прозрачной. Её колотит...словно от холода...и я отбрасываю мысли, что не от него. Что это начинается ломка. Да, я знал, что она баловалась чёртовой травкой и не только. Дьявол, я пару раз её обдолбанную вытаскивал из ночных клубов. И я запомнил каждую такую ночь, а она нет. Я запомнил непреодолимое желание свернуть её шею за то, что посмела связаться с дурью, запомнил ощущение гадливости от каждого прикосновения к ней в этот момент...и в то же время привычный трепет. Так, наверное, конченные сектанты дотрагиваются до икон. И приходилось стискивать зубы до зубовного скрежета, напоминая себе, каким грёбаным еретиком я стал.

Потом я откопал её настоящего «поставщика». Он визжал подобно жалкой свинье, пока я отбивал его свисающие дряблые бока, но всё же отрицал то, что даёт Ассоль наркоту. Пока я не наступил на его жалкий отросток между ног. Давил носком туфли крошечные яйца и слушал, как он, захлёбываясь слезами и хватаясь короткими пальцами за удавку на толстой шее, рассказывал, что и как часто приносил своей протеже.

Потом именно этот трусливый кретин поможет мне организовать похищение Бельской. В обмен на свою никчёмную жизнь. Правда, мне всегда было смешно, когда подонки, типа него, так искренне полагались на чью-то честность. Вроде бы сама их гнилая, прожжённая натура должна отвергать саму её сущность. Логично же? Но нет. Человек был и всегда будет самым жалким из всех существ. Иван Фёдорович Басманов, продюсер актрисы Бельской, был едва ли не самым ничтожным из них. Ублюдка полоснули по горлу, как только Ассоль села в мой самолёт. Просто никто не смеет портить мои вещи. А эта мразь всё же осквернила мою самую драгоценную, самую важную на свете игрушку.

И сейчас я смотрел, как она загибается на кровати, то обхватывая себя тонкими руками и съёживаясь, то выгибаясь назад и начиная метаться по постели. Иногда казалось, она выкрикивает что-то. Я смотрел видео без звука, но

предпочитал думать, что зовёт меня. Скорее всего, проклиная. Наплевать. Для меня тоже её имя давно стало анафемой.

Римма говорила, что подобные приступы случались не так часто. Нарколог, которому я показал запись и результаты анализов девочки, уверила, что на данной стадии с её зависимостью возможно бороться. Да, я привёл врача для этой лживой дряни, потому что игра против слабого соперника не представляла никакого интереса. Так, по крайней мере, я уверял себя.

- Мне кажется, мы вышли на след, – спокойный голос Стаса на том проводе периодически искажается надоедливymi шумами в трубке.

- Почему ты думаешь, это она?

- Слишком много совпадений. В лесу появилась охраняемая огороженная закрытая зона. В лесу! В районе почти перестали видеть бомжей. Они часто спускались к лесу именно летом, спасаясь от жары. После вечера выходили по своим местам, чтобы кланчить милостыню. Удалось найти парочку. Они в откровенном ужасе. Говорят, их были десятки. Кто-то исчез бесследно. Кто-то сбежал. Кого-то нашли убитым.

- Это бродяги. Для них подобное – норма.

- Да нет же! – и тут же ошарашенно затих, видимо, сам оторопев от собственной наглости. Потом молчание, растянувшееся секунд на тридцать и ровно до момента, когда я уже готов был рывкнуть, – Я видел одного из них, Бес. Я в морге был. У него отсутствовали почти все внутренние органы. Просто кожа, натянутая на плечи, и частично кишечник. Я не знаю, каким макаром не выbleвал тогда свои кишки. Но работники морга проговорились, что это уже третий такой. Они считают, что орудует маньяк или же группа психопатов. Но я думаю, это наша птичка. Слишком похоже на то, что ты рассказывал.

Да, я рассказывал Стасу кое-что о моем любимом монстре в белом халате. Не всё. И не как о себе. Но ровно столько, чтобы дать необходимую ориентировку на эту продажную тварь. Одному найти её не представлялось возможным даже сейчас. И в данный момент Стас был в одном из американских штатов, откуда и звонил каждую неделю, передавая информацию.

- Ещё что?

- Я навёл справки насчёт шкафа, который она с собой таскает. Кого-то, отдалённо на него похожего, видели в пригороде.

- Похожего?

- Да, Бес. Но...в общем, я могу ошибаться. Тут почти половина мужиков таких. Вторая половина - бабы. Такие же шкафы. Страшно подойти к ним. Ещё страшнее - залезть на неё. Потому что не знаешь, позволят ли тебе слезть.

Не удержался от короткого смешка.

- Смотри, не обделайся там от страха. Не опозорь честь русского парня на земле вечного врага.

- Служу Советскому Союзу! Ты ж знаешь, нам честь мундира ронять нельзя.

- Нет уже ни Союза, Стасик, ни мундира твоего. Ты его променял на бандитскую кожанку и кастеты. Но честь всё-таки не роняй.

Отключился, глядя на перекатывающуюся по постели Ассоль. Зарывается пальцами в свои волосы, с силой дёргая за них, словно намеренно причиняя себе боль. Недолго, моя девочка. Осталось потерпеть недолго, и мы начнём игру. Скоро остальные участники нашего спектакля присоединятся к нам. Я знаю, что ты привыкла быть главной звездой на сцене...и ты будешь ею. Я обещаю. Но до твоего выхода мы разыграем увлекательнейшую постановку, полную самых страшных мук, для твоей суки-матери и никчёмного муженька. Как думаешь, кто из них первым прибежит посягать на твоё имущество? Оно у тебя есть, мы втроем с тобой и монстром знаем это. Совсем скоро информацию о тайном счёте

получит и твой жирдяй. И он, скорее, сдохнет, чем откажется от возможности присвоить его себе.

Вот только почему так мерзко-то от мысли, что твою гнилую, лживую до самых костей натуру оплакивать буду я один? Кровавыми слезами. Других по нам не осталось, девочка. Но они будут самыми честными, обещаю. Такими же ядовитыми, как твоя дрянная любовь. И ты ещё успеешь увидеть из самой Преисподней, как они разъедают до мяса кожу, обжигая твоим именем каждый миллиметр моей кожи.

Мне нравилось находиться тут. Мне нравилось ощущать, как просыпается, как взвивается к самому горлу откуда-то из глубины желудка торнадо ненависти, ярости и подсознательного ожидания боли. Инстинктивного. Такое не вытравишь из своей сущности никогда. Оно проникает под кожу человека, любого живого существа. Оно вплетается в ДНК тем прочнее, чем дольше длилась эта систематическая боль...

И нет, я давно бросил попытки избавиться от него. Достаточно того, что теперь я сам мог причинить любую боль другим. И я предвкушал. Я, словно конченный нарик, предвкушал, как посажу на деревянный стул со спинкой монстра, привязав её изящные руки к стулу, и буду знакомить её с болью. С той, что она так щедро изо дня в день, из года в год десятилетия вливала в меня, впрыскивала и вводила шприцами. Нет, в отличие от неё я не боюсь свою подопытную. Но зафиксировать руки нужно. Для чистоты эксперимента, иначе картинка, вспыхивавшая в голове и любовно мной взращиваемая, ломалась. Разбивалась вдребезги, и меня воротило только от взгляда на осыпавшиеся осколки моей мечты.

Да, оказывается, мечты могут таять, стоит убрать из них какой-нибудь, на первый взгляд, незначительный элемент.

В наших с Ярославской отношениях не было ни одной малозначимой детали. Она была слишком хорошим учёным, чтобы упустить их, я же должен был доказать ей, что стал достойным её учеником.

Откинул голову назад, закрывая глаза и представляя себе лицо Ассоль. Как удивится моя девочка...да, сначала удивится, а после испугается, придёт в откровенный ужас, увидев то, что я приготовил для них. Идеальную копию лаборатории доктора Ярославской. Досконально точно воспроизведенная обстановка устроенного этой тварью Ада на земле. С теми же прозрачными палатами со стеклянными дверьми и прикрепленными к поручням цепями. Правда, моя лаборатория меньше. Ровно столько помещений, сколько мне нужно для того, чтобы привести свою месть в исполнение. С главным элементом декора – вольером для самого уважаемого доктора и её псины Покровского рядом. Интересно, дорогая Ангелина Альбертовна, сколько вы с этой мразью выдержите без еды и воды в этой клетке? Проверим, окажется ли простая вонючая, как вы говорили, волчица благороднее известного учёного? И кто из вас сдастся первым и решит сожрать второго?

Впрочем, я ни капли не сомневался в правильном ответе. И она бы тоже не засомневалась ни на йоту, вгрызаясь в тело своего помощника смертельным укусом.

Глава 4. Бес. Ассоль

Я сказал Римме принести ей девственно-белое струящееся платье с завязками на плечах. Украшенное золотыми светящимися камнями по краю декольте, оно струилось по роскошному телу, такому же матовому и бархатному, которым я его помнил...которым видел в своих снах и грёбаных мечтах. Оно единственное в них было белым, нежным...в окружении черных кривлявшихся демонов-фантазий о том, что я с ним сделаю, каким образом заставлю его извиваться и извиваться до тех пор, пока не решу сломать окончательно.

Изысканная женщина. До ошизения сексуальная и в то же время изысканная. Так, наверное, выглядели греческие богини. Шикарные тела, созданные для грехопадения, для того, чтобы свести с ума самого стойкого смертного и самого жестокого из жителей Олимпа, тёмные волосы, ниспадающие на оголённые покатые плечи, что до зубовного скрежета хочется сжать в своих ладонях. Тонкие руки, которыми заправляет за маленькое ушко шёлковые локоны. И эти чёрные изогнутые брови, сошедшиеся на переносице...моя богиня недовольна тем, что её заставили одеться в выбранное мной платье, а теперь ещё и

заставляли ждать. Да, она изменилась даже с того момента, как сошла с трапа самолёта, с того момента, как её изящная ступня опустилась на этот остров...в её персональную Преисподнюю. И, дьявол...я просто обязан был стать достойным для этой дряни Айдом. Обязан был сбросить с себя эти колдовские чары, досыта ими насладившись.

Вышел из-за стены, и она резко повернула голову, ища глазами источник шума. Глаза блеснули одновременно злостью и усталостью...или даже слабостью. Впрочем, мы оба знали, в чём заключается её слабость. Та, что оставила неизгладимый след на её лице. Та, от которой едва заметно, но всё же иногда тряслись её руки и слегка подрагивали плечи. Остаточное явление после достаточно длительного для нас обоих лечения. Когда ни я, ни она не смогли бы с точностью объяснить, за каким чёртом мне понадобилось всё же избавить её от зависимости, вместо того, чтобы сполна насладиться её падением, самым большим унижением для дочери моего врага. Впрочем, какой был кайф в том, чтобы мучить обессиленную наркоманку, моментами впадавшую в безумие ломки и терявшую связь с внешним миром? Абсолютно никакого. Скорее даже, своеобразная попытка унижить самого себя, опустить ниже плинтуса. Туда, куда я же давал слово не возвращаться больше никогда.

Истощённая? Да, возможно, она и выглядела такой. Моей слабой, истощённой богиней, заточенной в плену в ожидании собственной казни.

– И всё же прекрасна.

Распахнул стеклянную дверь за решётками и вошёл в её комнату-клетку.

– Есть что-то, что может испортить твою красоту, Ассоль? Испортить настолько, чтобы не хотелось сломать её самому? Собственными пальцами?

Я ждала, когда он придет. О, как я этого ждала. После всех дней ада, через которые он меня провел с особой, изощренной жестокостью выдергивая из ломки практически без врачей, на одном успокоительном, когда лезешь на стены и ломаешь о них ногти от боли и от панической люти внутри. Когда ползаешь на четвереньках по полу, выbleывая собственные внутренности, ломаешь ногти о стены и просто воешь от боли везде.

И смотрел... я знаю, как он на это смотрел, наслаждаясь. И как? Тебе понравилось, Саша? Понравилось видеть, во что и в кого ты меня превратил? Кем я стала из-за тебя, подонок? Ты мастурбировал, когда я рвала на себе волосы и одежду и проклинала тебя, желая тебе самой жестокой смерти, а потом ползала на коленях и умоляла унять мою боль, бросалась на прутья своей темницы? Помнишь, как когда-то ты обхватывал ладонью член и дергал по нему вверх и вниз, когда я голая извивалась за твоей клеткой и терлась о нее, пока ты не сатанел до такой степени, что брал прямо через нее, как голодное животное?

Но я была рада, что избавилась от кокаина и этого тумана, который помогал мне не слышать по ночам детские крики и его лживые клятвы в любви. Так я могла ненавидеть его сильнее, я чувствовала каждую грань своей ненависти, каждую ее черточку и зазубринку. Она, как адская татуировка, была выжжена на мне изнутри, и я собиралась показать ему ее грани. Все грани моей ненависти к нему. Может быть, я и по ту сторону клетки, но я не та наивная девочка, которую он бросил беременной и обрек на гниение живьем.

Как же он изменился. Этот лоск, эта новая прическа и короткая ухоженная борода, безумно дорогие вещи – часы, запонки, а под ними лютый, страшный и уже заматеревший зверь, и я знаю, на что он способен. Я помню, как он рвал людей голыми руками. Вешал на крючья, как свиней, и выдергивал им кишки.

Кто знает тебя так же хорошо, как я, Саша? Мой Саша...мой предатель, мой палач, мой любимый.

Только одно осталось неизменно... несмотря на жгучую едкую ненависть, я все же до дикой дрожи была рада его видеть и жадно пожирала взглядом его лицо, голос, его запах всем своим изголодавшимся естеством. Потому что он – часть меня, потому что он в меня въелся молекулами ДНК моего умершего младенца. И это та связь, которую разорвет только смерть... и то не факт.

– Некоторые вещи остаются неизменными. Например, твой дорогой костюм и твоя прическа, твои часы...ничто не скроет, кто ты такой на самом деле, Саша.

Сделала несколько шагов к нему, глядя в жгучие темные глаза, испепеляющие меня насмешливым взглядом.

– Ты всегда любил все делать сам. Я думаю, ты придумал множество способов, как испортить и сломать меня. И я с замиранием сердца жду каждый из них. Здесь ведь так скучно.

– Скука – не самая худшая вещь, девочка. Она до предела честная. Впрочем, – я усмехнулся, думая о том, насколько она права. Я не просто придумал множество способов. Я пришёл к каждому из них опытным путём, – честность никогда не входила в сферу твоих интересов, так ведь?

И да, ей было не просто смертельно скучно...нет, она в полной мере ощутила на себе составляющие части этого предложения. Сначала – что означает слово "смертельно", когда она молила меня о собственной кончине. Сначала проклинала и желала мне самому сдохнуть, если я не дам дозу...да, я слышал её проклятья и чувствовал, как от меня методично, болезненно, с мясом отслаивается другая часть меня самого. Та, которая скалится окровавленной пастью её анафеме, отдиралась полыхающей бордовым пламенем плотью от той, что сгорала в агонии из-за неё.

Затем она начала просить меня о смерти. Выкрикивала, угрожала и унижительно ползала по полу клетки на четвереньках, умоляя прекратить ломку.

А после, когда мы оба поняли, что она выдерживает...что ей, нет, нам обоим удалось приглушить эту зависимость, победить эту тварь ценой её многодневных страданий, девочке стало не просто скучно в одиночестве своей тюрьмы без единого человека рядом, которому можно было бы сказать хотя бы пару слов. Это была дикая смесь из эмоций, которые появлялись на её лице, стоило услышать малейшее движение возле своей клетки...и каждый раз калейдоскоп завершался разочарованием. Она ждала меня. Моя маленькая лживая красивая сучка продолжала ждать меня, всматриваясь в эту сторону своей золотой клетки.

– Ты права. Ни одна одежда, ни один аксессуар, ничто не способно скрыть настоящее лицо человека. Как, впрочем, и ни одна маска. Рано или просто маски спадают, обнажая под своей прекрасной, но такой искусственной оболочкой, – не смог сдержаться от желания коснуться костяшками пальцев её нежной

скулы, – обнажая самую уродливую, самую кровожадную свою суть.

И стиснул челюсти так, что показалось, раскрошатся зубы...чёрт...сколько лет должно пройти, чтобы от прикосновения к этой дряни перестало вот так насквозь простреливать током всё тело?

– Ты представляла их, так? Все эти способы. Наверняка, представляла. Ты же так хорошо меня знаешь, – кажется, можно бесконечно долго вот так гладить её щёки, тонкие веки, осторожно дотрагиваясь до трепещущих кончиков длинных ресниц, – какой из них тебе понравился больше всего?

Конечно, он знал, что я лгу. О, мы прекрасно друг друга изучили, чтобы знать, куда бить больнее и чувствительней. Куда вонзить нож и в какую сторону повернуть. И в этом и был самый концентрат смертельного яда. Потому что я с каким-то униженно триумфальным удовольствием видела, что ему не все равно. Ему больно, когда я бью...и это мои победы. Это мой личный кайф. Скорей всего, он меня убьет. Ведь ты привез меня сюда умирать, Саша? Верно? Этот остров – моя могила, и закапывать ты будешь медленно.

А еще я видела чисто мужской блеск в его глазах, тот самый, голодный, от которого у меня самой сводило жадой все тело и превращало нас обоих в зверей, алчущих плоти друг друга. До иступленного сумасшествия.

Он с ним не справлялся, не мог подавить или спрятать за маской холодного безразличия и цинизма. Мой умный Саша, мой гений, мой бог сарказма и убийственных взглядов. Я восхищаюсь тобой так же сильно, как и желаю тебе корчиться от боли...И ведь ты будешь. Вместе со мной. Будешь и, подобно истинному психопату, ждешь своей порции, как и я. Обещаю, я сделаю все, чтобы ты иногда сгибался от нее пополам. В ту секунду, когда поняла, что тебе не все равно, я вынесла приговор и тебе. Мы ведь умрем здесь вместе, да, любимый?

Тронул мое лицо, и я дернулась от прикосновений его пальцев, от слабости все еще шумело в голове, и после ломки остался тремор в руках. И после его слов я задрожала уже по иной причине...по той самой, на которую он намекал каждым своим словом.

Перехватила его руку и поднесла к своему лицу, выискивая под тюремными татуировками старые шрамы...Когда-то он сбивал их о стены своей клетки, если я не приходила к нему. Нашла и провела по ним кончиками пальцев. А потом жадно поцеловала каждый из них, ввергая его в диссонанс вместе с собой. И тут же отшвырнула его руку, с вызовом глядя в черные глаза.

- Тот, в котором ты грязно меня трахаешь, Сашааа. Пачкаешь собой, рвешь мое тело на части.

Облокачиваясь о стену, смотреть ему в глаза, позволяя тонкой лямке платья упасть с плеча, а краю материи зацепиться за торчащий сосок и держаться только на нем.

Сучка...моя маленькая наглая сучка, изучившая меня лучше меня самого. Соблазнительная...до невероятной, до жуткой боли соблазнительная сучка с задёрнутым поволокой похоти взглядом. Её слова - порочный фон тому зрелищу, которое легким движением плеча намеренно открыла моему взгляду. А я повёлся на него. Моментально. Сжав ладони в кулаки и не в силах оторваться от этого острого соска, за который зацепилось её платье. На самом деле ничего. Сотни абсолютно голых девиц, бесстыже раздвигающих свои ноги и демонстрирующих свои призывно влажные дырочки, проигрывали этой хрупкой маленькой дряни, прикрытой долбаной тканью. Ведьма. Чёртова ведьма, на которую стоит так, как не стоит ни на одну больше шлюху в мире, даже самую искушённую.

И тут же напомнимание самому себе: а она ничем не отличается от них. Такая же шалава, продающая свое тело за блага. А тебе просто повезло сегодня оказаться тем, кто отымеет её.

Поднял взгляд к её лицу и чертыхнулся, увидев приоткрытый рот и лихорадочно горящие глаза...даааа, в них та самая лихорадка, которой заражала меня девочка все те десять лет. В которую окунался сам. С грёбаным мазохизмом и бешеным удовольствием.

К ней. Не считая шаги и слушая гул в ушах...так ревет похоть. Воеет диким зверем, алчно желая утолить свою жажду, корчится в той самой лихорадке...и она у нас общая сейчас на двоих, так, девочка?

Глава 5. Бес. Ассоль

Сдёрнул ткань с её груди и сжал сильнее зубы, услышав её выдох. Да, маленькая, с тобой я тоже иногда забываю дышать, чтобы потом корчиться в смраде твоей лжи и предательства.

Приблизившись так, чтобы жадно втягивать в себя запах её тела. Ни капли духов. Как я люблю. Сжал упругую грудь, склонившись к самому её лицу, провёл большим пальцем по вытянувшемуся, упершемуся в мою ладонь розовому соску.

- Ложь...ты вся соткана из лжи, девочка.

Языком по её шее. От ключицы вверх, к подбородку, не сдержав рычания от вкуса её кожи, от которого в позвоночник выстрелило смертельной дозой адреналина.

- Нежная...до ошизения нежная снаружи, моя Ассоль.

Прикусывая острый подбородок, подняться к губам, чтобы обвести их языком, прижимаясь ноющим членом к её животу.

- И такая испорченная, такая развратная, конченная дрянь внутри.

Опустив одну руку между её ног, чтобы впиться зубами в раскрывшиеся губы, когда мы выдохнули оба...когда мои пальцы скользнули по влажной расщелине вверх и вниз

- Но ты права.

Отстранившись, чтобы ворваться между мягких губ языком.

– Ты, как всегда, прочла меня верно.

Раздвигая складки её лона, надавливая ладонью, заставить её выгнуться, подставив второй руке грудь, которую стискиваю, приподнимая вверх...моя фантазия. Мое наваждение всех этих лет сейчас оживает, сводя с ума, снося башню и вызывая животное желание разорвать её на части.

– Это определённно мой любимый способ.

Пальцами скользнуть в её плоть, сплетая язык с язычком Ассоль...выдыхая в её рот собственную агонию по этому телу.

Этот взгляд...как же я с ума сходила по этому дикому взгляду, когда похоть граничит с безумием и все тело колотит от потребности, от примитива на грани инстинктов. Отдать ему все. Отдать ему каждый клочок своего тела, отдать каждый клочок души, быть грязно им оттраханной, так порочно и так пошло, как ни в одном, даже самом откровенном порно, потому что все по-настоящему. Смотрит на мою грудь, и я вижу, как застыл его взгляд, как дергается кадык, потому что он судорожно сглатывает слюну. Он всегда так реагировал на меня...всегда – мучительно остро, заражая вожделением на грани фолла. Заражая своей первобытной дикостью.

Этот рывок платья вниз хаотично, лихорадочно и мой выдох нетерпения. Сжимает меня так сильно, так требовательно, и я плыву...сколько лет я жила без этого ощущения? Без этого наркотика, по которому ни одной ломке не сравниться. Ни одно прикосновение не возбуждало, ни одного оргазма за все эти проклятые годы. Как ни старалась, как ни пыталась даже в голове воспроизвести секс с ним...мне были нужны его пальцы. Запах, голос. Он.

И вот она, эта бешеная дрожь, эта реакция на касание грубой и шершавой подушки пальца, цепляющей ноющий сосок, заставляющий выгнуться навстречу и, прикрыв веки, мучительно застонать от наслаждения.

Когда коснулся губами, заколотило все тело, мурашки обожгли каждый миллиметр кожи, и я впилась руками в его волосы, вдавливая лицо себе в шею, подставляясь горячим губам, голодному языку. Нет, это не ласка, он пожирает

меня, он дрожит всем телом вместе со мной.

И даааа, не надо меня целовать. Кусай. Хочу боли. Много боли. Хочу, чтоб разорвало от нее...чтоб заглушила ту суку внутри, извечно вгрызающуюся в меня мразь, обгладывающую мои кости.

Коснулся пальцами между ног, и я запрокинула голову, гортанно застонав. Невольно впиваюсь ногтями в его запястье и чувствую, как накрывает ...как бешено начинает пульсировать там, внизу, как я истекаю влагой ему на пальцы, и...мне не стыдно. Я снова стала женщиной. Рядом с ним. Резко вошел внутрь, накрывая мой рот губами. И я тут же сорвалась, глотая его хриплый выдох-стон мне в рот. Очень быстро, резко, остро и безжалостно, сжимая со всей силы его запястье, сокращаясь в каких-то болезненных спазмах, режущих наслаждением слишком сильно, слишком рвано. Так, что вместе с хриплым криком вырывается рыдание.

И, приоткрывая пьяные глаза, все еще содрогаясь в последних судорогах, глядя пьяными глазами в его бешеные глаза, простонать, испытывая мстительную боль от предвкушения его боли. Намеренно выискивая болезненное место, прицеливаясь, чтобы до мяса, чтобы его вывернуло, как и меня когда-то.

- Трахай, как хочешь... и куда хочешь...только дай мне порошок, Сашааа. Или, - попытаюсь отдышаться и все еще потираясь о его пальцы, - ты думал, что, как всегда, бесплатно? Оооо, ты действительно так думал? - выдыхая ему в рот, глотая слюну пересохшими губами, - Ерунда для тебя...один маленький пакетик. Ничто для рыбного короля, а?

Грязь...когда-то она просила испачкать её в ней. Когда-то жалобно выстанывала своё желание схлестнуться со мной в этой зловонной жиже нашего с ней болота разврата и греха...а сейчас она толкнула меня в неё с циничной, словно приклеенной к этим чувственно изогнутым губам, улыбкой. Только что, кончив так громко...так охренительно сладко, что у меня свело скулы выдрать хотя бы часть этой эйфории, обрушить её внутрь себя, ломая кости и рёбра. Только что, кончив с жадным и громким дыханием...эта тварь столкнула меня в самую вонючую грязь лицом, заставив на мгновение остановиться, застыть, потому что

я вдруг понял, что не могу вдохнуть, словно нос и лёгкие забились этой грязью, не позволяя даже сделать вдоха.

Проклятая дрянь, в очередной раз решившая показать мне моё место.

В висках ревёт диким зверем. Воеет в исступленном порыве злобы, в желании разорвать на ошмётки эту продажную суку, не оставив от неё даже кусочка. И хлёткой пощёчиной по лицу, усмехнувшись, когда вскрикнула, приложив ладонь к щеке. Дрянь! Оттолкнул к самой стене со всей дури, с удовлетворением глядя на то, как ударилась и застонала, роняя голову на грудь. Но тут же вскинула её, и я едва сдержал рычание в жажде придушить эту тварь. Свернуть ей шею одной рукой, сломать эту надменную пустую куклу.

Подошел к ней и, грубо схватив за голову, опустил её на колени, с силой надавив на плечо. Расстегнул ширинку брюк, чувствуя, как начинает колотить в ярости. В ненависти к этой суке.

– Чтобы получить дозу у рыбного короля, ему нужно отсосать, Ассссоль, – её имя вырывается с парами той самой ненависти, перемежаясь с шипением, – и только если хорошо постараться...моя маленькая шлюшка...я подумаю над твоей оплатой.

Надавлив на её скулы пальцами так, что вспыхнули болью зеленые глаза, ворваться в этот алчный рот, сжав ладонью затылок у своего паха. На всю длину. ДААА. Так, что дёрнулась, пытаюсь освободиться. Так, что я головкой чувствую стенку ее горла. Судорожные глотательные движения. Острыми ногтями царапает мои бёдра, ожесточённо пытаюсь вырваться. Отчаянно. Безуспешно.

Отстранить её от себя, наклонившись к широко открытому рту с дрожащими губами.

– Старайся, сучка, и, может, я тебе дам дозу.

И снова вонзиться между губ, чтобы начать иметь её рот. Всё, как она хотела. Грязно и беспощадно. Не позволяя освободиться, не позволяя сделать даже глоток кислорода. Исступленно толкаться быстрыми глубокими движениями, сцепив челюсти и выдыхая сквозь зубы. Глядя на её глаза, наполненные

слезами, на заплаканное лицо, испачканное слюнями, шипя, когда эта дрянь вдирается в мои бёдра ногтями. Соппротивление. Война. Так вкуснее, оказалось, девочка. Ломать тебя вот так...в бою.

Всё быстрее и быстрее, чувствуя, как подкатывает оргазм, как бьётся волнами приближающегося наслаждения. Всё сильнее поджимаются яйца в дичайшей потребности разрядиться...чтобы наконец кончить в горло. Прижав её голову к себе. Кончить с животным рыком от той сладкой боли, что разорвалась в спине, что побежала огненной лавой по позвоночнику вверх к самому мозгу, создавая ощущение, будто плавятся кости от кайфа.

С последним содроганием оторвать её от своего паха, отталкивая к стене, чтобы целое мгновение смотреть на задыхающееся лицо, зарёванное и грязное, на горящие презрением и ненавистью глаза.

- Ты плохо старалась, девочка. Может, в следующий раз.

И выйти из чёртовой клетки, заправляя рубашку в штаны и не оглядываясь.

Очередная заметка об обдолбавшемся ублюдке, сбившем насмерть молодую мать с коляской. На заднем фото – врезавшаяся в фонарный столб отцовская иномарка носатого сопляка в новомодных шмотках и с расфокусированным взглядом, а рядом – кадр счастливой улыбающейся семьи во время выписки из роддома. Ублюдок ещё даже не понимает, в какую задницу он попал...впрочем, он вообще сейчас ничего не понимает и ещё долго не будет в силу своего состояния. Не понравилась мне его ухмылка, хамская, искривлённая выпестованной добреньким папочкой уверенностью, что любимый отпрыск останется безнаказанной. А зря. Как любил частенько поговаривать Кощей, против лома нет приёма...а после он всегда добавлял с мерзкой улыбкой: окромя другого лома. Пришла пора предоставить обнаглевшему сыночку депутата самое лучшее лечение от любой зависимости. Смерть. Последний взгляд на фото: ни хрена профилактические беседы таким не помогут. Не осознает. Да и я предпочитал всегда применять лишь стопроцентно действенные методы. Позвонить своим ребятам и попросить мальчонку-то на кусочки мелкие разрезать и родителю заботливому отправлять. По куску в коробке в день. Пусть

пазл соберёт. Мелкую моторику в его возрасте полезно развивать, может, мозги на место встанут, и перестанет воспринимать свою корку как официальное разрешение на убийство.

Бросил газету на стол, думая о том, что она тоже ещё не понимает. Моя девочка. Моя Ассоль была точно такой же наркоманкой ещё совсем недавно...единственное отличие её от этого придурка состояло в том, что она прекрасно осознавала, что убивает. Как осознавала и то, кого убивает. Выбрав для этого действия самый изощрённый, самый жестокий способ, моя маленькая девочка из сказки Грина с самыми зелёными на свете глазами и самым красивым именем прикончила меня с таким хладнокровием, которому мог бы позавидовать любой серийный убийца. Моя девочка, которая не искала каждый раз новые никчёмные жертвы, предпочитая максимально долго измываться над одной-единственной, держать в постоянной агонии её и только её. Меня. Ведь это гораздо вкуснее и сложнее – искать каждый раз всё более замысловатые и сложные способы там, где другие предпочитают использовать проверенные методы. И я не знаю, когда перестану ненавидеть её за это. Не за предательство, мать её, не за обман, не за то, что едва не убила на пару с монстром, а за то, что у меня были они. Эти грёбаные годы сказки. За то, что мне есть с чем сравнить, и теперь, лишившись её...лишившись той иллюзии счастья, что когда-то у меня была, жизнь стала бесконечной дорогой в Ад. Всё же лучше не знать некоторых вещей, чтобы потом, потеряв их, не подыхать от чувства пустоты, возникшего с их исчезновением. Когда-нибудь я покажу ей, каково быть абсолютно пустым внутри. Совсем скоро. Совсем скоро я сам вычищу в неё место для всех своих демонов и буду смотреть, как эти твари, алчно роняя слюни вгрызаются в остатки её души, чтобы начать своё чудовищное пиршество.

Чем больше воспоминаний, тем страшнее ненависть. Тем она непримиримей и беспощадней. Ненасытной тварью, готовой выжрать все внутренности, вонзается ядовитыми клыками в самое сердце, требуя возмездия. Желая смотреть, как она будет извиваться от моей боли. От той самой, которой заразят её мои демоны. Да, девочка. Твоя отравка должна вернуться к тебе, иначе все эти годы были напрасной тратой моего времени. Времени, вырванного с мясом у твоей психованной матери.

А ведь она всё ещё сопротивляется...и я готов убить её прямо сейчас за эту непокорность...и за то, что продолжаю восхищаться ею за это. За то, что даже скрытая от всего остального мира, упрятанная за решётку, обезоруженная и униженная...эта маленькая сучка умудряется колоть словами так, как другие не

смогут самым острым лезвием ножа.

Телефонный звонок отвлѣк от мыслей о ней. Моя проклятая смертельная болезнь. О чём бы я ни думал, всё заканчивалось ею. Именем её.

Воспоминаниями о ней. Она. Она. Она. Везде только она. Как гангрена, которую не излечить, только ампутировать, чтобы продолжать жизнь. Только вот я не мог пока сделать этого, так как знал – ни хрена не получится. Без этой суки продажной мне и дня не провести. А поэтому пока только терпеть. Стиснув зубы до крошева, так, чтобы самому слышать их скрип, и ждать нужного часа. Вот только я всё же решил, что мы с ней проведѣм это время как можно веселее и красочнее. Для меня.

– Саша, – тихий мелодичный голос Марины заставил встрепенуться, вернуться из кошмара собственных мыслей в другой кошмар, в тот, что длился в реальности, – здравствуй, как ты?

– Живой пока, – услышал короткий смешок, так обычно я отвечал ей на этот вопрос, – как у вас дела?

– Хорошо. Дети на каникулы, наконец, ушли.

– Выдохнула? – неясное чувство вины, совершенно не к месту, но появилось. Потому что обещал ей быть рядом в эти дни и всё же не смог, – в больницу зачем ездила.

И снова еле слышный смех.

– Ну кто бы сомневался, что Саша Тихий всё узнает о детях даже на расстоянии.

– И не только о них, Мариш. Я в курсе и всех твоих дел.

– Даже не знаю, меня это пугает или радует?

– Тебе это должно придавать чувство безопасности.

А вот мне почему-то хочется положить трубку, а не продолжать этот разговор. Грёбаное ощущение предательства. И самому себе молча приказать запихнуть

все эти ощущения глубоко в задницу, потому что нельзя изменять тому, кто тебе никогда и не принадлежал. Как потерять случайно найденный чужой кошелек с деньгами.

- И оно есть. Только благодаря тебе. Саш, - перешла на шёпот, и я понимаю, что кто-то из детей подошёл к ней, - я соскучилась по тебе. И дети. Особенно Марик.

- И я соскучился, - не лгу, представил искрящиеся карие глаза пацана, и внутри волна тепла прокатилась, - ты так и не сказала про больницу.

Она тяжело вздохнула.

- Никаких шансов у меня, да?

- Никаких. Говори.

- Марика на обследование отвозила, - и я сквозь зубы чертыхнулся. Как забыть мог? Ведь выбивали его долго. Сам лично или же через Стаса договаривался с лучшими профессорами страны, чтобы консилиум собрать для мальчика. И забыл. Потому что на неё переключился. Потому что всё как десять лет назад - стоит ей появиться, и исчезает весь остальной мир. Чёрт бы её побрал за это моё бессилие перед ней.

Ведь не Марине слово давал. Марку. В глаза его серьёзные, так похожие на отцовские, смотрел и обещал.

- Я прилечу завтра.

- Не надо, дела свои закончишь, тогда приезжай, - и, наверное, я мог бы полюбить эту женщину именно за это. За готовность понять что угодно и в каких угодно условиях. Если бы умел любить. А я не умел. Неа. Ни хрена не умел. Только подышать живьём по одной-единственной твари, которую ни простить не могу, ни понимать не собирался.

- А ты приедешь ко мне?

Спросил и замер сам. Потому что в этот же самый момент понял, что это идиотская идея. И нет в ней смысла. Марина с детьми тут, на острове. И она. Но тут же разозлился сам на себя. Какого чёрта меня вообще это волнует?

– Скажи Марику, что я его здесь буду ждать по окончании обследования. Компенсация моего отсутствия.

Чтобы не было дороги назад. Потому что слишком много чести для одной конченной шлюхи, если я откажусь от своей семьи ради неё. Какими бы гвоздями она ни была ко мне прибита...какой бы болью эта связь не отдавалась во мне каждым напоминанием, каждой треклятой мыслью о ней.

– Хорошо.

Марина старается, но не может скрыть ноток радости, а во мне то самое чувство вины раздулось настолько, что кажется, ещё немного – и взорвётся, заляпав весь кабинет липкой противной смесью из отвращения к самому себе и тихой злости на неё. Злости за то, что я бы отдал не половину своей жизни, а все девяносто процентов, чтобы те же самые слова, ту же радость услышать от другой. От той, что плюётся ядом, который источает сам звук её голоса. От той, что жалит взглядом, беспощадно прожигает даже плоть своим презрением. До самой кости. пока не начинаешь задыхаться не только от боли, но и от вони собственного палёного мяса.

На том конце провода какое-то шуршание, звуки тихой борьбы, и я невольно улыбаюсь, зная, что через секунду услышу звонкое:

– Маааам, ну даай...Пап, привет, я соскучилась. Когда ты приедешь домой?

– Ты сама приедешь к папе, малышка. И я тоже очень соскучился по тебе.

Глава 6. Ассоль

Он думал, что унизил меня...Смешно, но меня трудно было растоптать больше, чем он уже это сделал. Никто не знает на каком дне я побывала и какого

жуткого и лютого дерьма хлебнула. Да. Я плакала, когда он вдирался мне в горло так, словно я последняя шлюха или резиновая кукла...но плакала не от боли, я плакала, потому что ему не нужно было применять ко мне силу...потому что, несмотря на то, что я мертвая, каждое его прикосновение могло меня воскресить и поднять из могилы, но он все же ее применил, жестоко ломая и показывая мне мое место у его ног. И самое ужасное – я его понимала. Мальчик, живущий в клетке и которого ставили на колени все, кому не лень, вынуждая выполнять команды, как зверушку, получил достаточно силы и власти, чтобы унижить дочку той, что причинила ему адскую и невыносимую боль. Но я вся соткана из боли, и большей ему уже никогда мне не причинить. Большей боли уже не бывает. Я живу ею и, пока дышу, во мне болит каждая клетка моего тела.

Он думал, что меня ломает после кокаина...нет, меня не ломало от синдрома отмены, меня ломало от понимания, что теперь я останусь наедине со всеми своими кошмарами, погружусь в свою адскую панику и безумную депрессию, от которой хочется быть раненой волчицей и мечтать поскорее сдохнуть. И я часами лежала с закрытыми глазами...зная, что он смотрит на меня. Я всегда чувствовала его присутствие очень остро, даже когда его не было рядом физически. Одного только не могла понять: если его ненависть настолько сильна, почему бы ему не убить меня сразу? Но это же мой Саша. Ему нравилось растягивать удовольствие и смотреть, как я умираю снова и снова, добивать словами, вспарывать мне ими вены снова и снова.

И мне было плевать на то, какую физическую боль он для меня приготовил, самой настоящей пыткой, оказывается, было видеть ненависть в его глазах. И каждое слово, выворачивающее наизнанку, полосующее старые шрамы, вскрывает незаживающие раны, как нарывы. А я истекаю сукровицей, кровью и корчусь от прикосновений моего палача, будто он полосует меня плеткой по голому мясу.

Он провел у моей постели много часов. Иногда прямо в клетке. иногда по ту сторону от нее. В те самые часы, когда меня накрывало и ломало сильнее всего, когда я орала и ползала на коленях, проклиная его и желая ему смерти. Нет не физически. Его не было здесь рядом в прямом смысле ...но я видела следящие за мной глазки камер. О, да, он смотрел, я в этом ни на секунду не сомневалась, иначе всё это ни черта не стоило.

Когда-то очень давно, мы еще были с ним детьми, я заболела, и мать взяла меня с собой в клинику. Я металась на постели в лихорадке, мне делали капельницы и

уколы. Конечно же, медсестры, а не она сама, и я лежала в отдельной комнате, куда никто не приходил. Я вставала ночью с постели и, шатаясь, держась за стенку, спускалась на его этаж, чтобы прийти в клетку и лечь с ним рядом.

Его Мама лизала мне пятки, а он клал мою пылающую голову к себе на колени и гладил по волосам. И я уверена, что на ноги меня подняли не капельницы и не уколы, а то, что мой Саша лечил меня своей любовью и своими шершавыми, мозолистыми руками. И я бы отдала все на свете, чтобы вернуться в то прошлое, где Нелюдь 113 любил меня животной и дикой любовью и готов был за меня умереть. Я знала, что был...я видела в его глазах. Чувствовала каждой клеточкой своего тела. Мой угрюмый фанат, мой единственный сумасшедший поклонник и мой первый любовник.

Долгие месяцы я спрашивала себя почему...почему его любовь превратилась в лютую ненависть. Почему он обрек меня на самую жуткую пытку сходить с ума, рвать на себе волосы и держаться только ради нашего ребенка. Но я потеряла и ее...У меня не осталось ничего, кроме кокаинового марева, которое спасало меня от кошмаров наяву.

Когда Саша развернулся ко мне спиной и вышел из клетки, заправляя рубашку в штаны, я так и осталась сидеть на полу, смотреть в никуда. Нет, мне не мешало то, что я испачкана его семенем и своими слезами. Плевать, для меня это не грязь...он никогда не был для меня грязным. Я слишком его любила. И я не рыдала больше...я лишь молча и беззвучно оплакивала то будущее, которое мы когда-то рисовали себе и о котором мечтали оба. Где мы вдвоем в другом городе счастливые и всегда вместе. Я не могла ему простить этих сгнивших фантазий, этих иллюзий, похороненных где-то там с телом нашей малышки, которое мне даже не показали.

И он смеет обвинять меня в чем-то? После всего, что с нами сотворил? Отрекся и от меня, и от нашего ребенка, отрекся от своего счастья? Ради свободы?

Неужели я действительно была для него всего лишь целью? Даже спустя столько лет я не могла в это поверить...и его адская ненависть доказывала, что, неееет, моему палачу далеко не все равно. И, дааа, меня это радовало. Черной и едкой радостью. Мрачной, как и наша с ним любовь. Напрасно ты, Саша, дал мне ее почувствовать, твою одержимость. Она падает на мою мертвую плоть свежими каплями крови и пробуждает меня от смерти, твоя кровь в моих венах...и я ведь захочу еще. Твоей боли, смешать ее со своей, насладиться если

уж не любовью, то нашей агонией. Сколько кругов ада ты приготовил для меня? На самом деле я даже не представляла, сколько их могло бы быть на самом деле.

А мне уже все равно. У меня не будет ни единого шанса сбежать отсюда. Саша никогда не был глупцом он все просчитал и продумал. Я не удивилась бы, если там, «на большой земле» я уже считаюсь мертвой. И мать не станет искать. Она никогда не рискует своей шкурой ради кого бы то ни было, включая меня. Скорее, подставит, чтоб спасти свою жизнь. Ради своих амбиций Ангелина Ярославская пойдет по трупам и, даже если среди них буду я, и глазом не моргнет.

Меня уже давно это не волновало, ровно с того момента, как Ярославская (да, для меня она перестала быть матерью) чуть не убила Сашу после того, как я ей доверилась. И я не сомневалась, что это было ее рук дело...то, что Саша отказался от меня, и смерть ребенка тоже на ее совести. Она могла ее спасти. Я была в этом уверена. С тех пор я ни разу не назвала ее матерью. Ни в глаза, ни за спиной. В этой проклятой жизни меня никто не любил так, как когда-то любил Саша. Впрочем, меня никто и ненавидел так же сильно. И еще я была уверена, что буду жива, пока мой палач не найдет мою мать. Я уверена, он готовит нам совместный спектакль и много сцен в нем вместе.

Саша – гений, и я точно знаю, что он выжмет из нас максимум слез и боли. Он продумал каждый штрих и деталь. Только он не знает одного – я хочу посмотреть, как он заставит ее рыдать. Эту суку, которая была мне матерью лишь биологически. Я бы отдала многое за то, чтобы задать ей пару вопросов и быть уверенной, что получу на них честные ответы. Например, как умер мой настоящий отец и отчим, и какая тварь убила мою бабушку. Чтобы она призналась и была мною проклята трижды.

Я не боюсь нашей войны. Я готова принять в ней самое активное участие. Это моя последняя роль, и она будет самой искренней и настоящей. Я хочу воевать до последней капли крови, до последнего стога и вздоха. Но сломать он меня не сломает. Я давно разломана на осколки.

Но я сильно ошибалась, думая, что знаю его...что я подготовилась к каждому из ударов, что я смогу их вынести.

Прошло несколько дней. Он не приходил ко мне. Это его любимый прессинг – держать меня в неведении и в клетке ровно столько, чтобы я начала сходить с ума. Но я нашла для себя развлечение. Когда в доме стихали все голоса и снаружи включались фонари, я подтягивала железный стул к стене, забиралась на него с ногами и выглядывала наружу. Под моими окнами открывался вид на берег. Вода бесновалась и плескалась, то успокаивая, то поднимая во мне невероятную по своей силе бурю, и мне хотелось подобно этой стихии затопить все живое вокруг и утянуть Беса вместе с собой прямиком в ад. В рай мы с ним никогда не попадем.

Но мой ад начался гораздо раньше. Однажды рано утром я проснулась от звуков, которых не должно было быть здесь. За окнами моей тюрьмы...От звука детских голосов. Я подскочила на кровати и, свесив ноги, долго смотрела в никуда, пытаюсь себя успокоить и убедить в том, что мне это опять кажется и скоро этот кошмар закончится...справиться с панической атакой, от которой все холодело внутри.

Но голоса не смолкали, а доносились все отчетливей...Я вскочила с постели, подтянула стул к стене. Залезла на него и ...и задохнулась от дикой боли.

По побережью бегали дети...гоняли мяч. Мальчик и девочка. Они весело смеялись и падали в песок, бегали друг за другом вместе с небольшой собачкой бело-коричневого окраса.

Тяжело дыша, я впиалась пальцами в подоконник, чувствуя, как пошатнулся под дрожащими ногами стул. Девочка...темноволосая, похожая на маленького ангелочка с развевающимися по ветру волосами...моя дочь. Наша с Сашей дочь. Она могла бы быть ею.

И вдруг девочка громко закричала:

– Папа!

И дети бросились бежать куда-то, раскрыв на бегу объятия. Я прижалась лицом к стеклу...и вдруг сердце словно разрезало ножом с такой силой, что я отшатнулась назад и упала назад, прямо на каменный пол, ударившись больно затылком...но так и осталась лежать, глядя в потолок и чувствуя, как вся истекаю кровью и не могу от боли даже вздохнуть.

Потому что девочка назвала папой...Сашу. Это к нему они подбежали, раскрыв объятия. Это он закружил обоих в воздухе и убил меня в этот момент снова...я полетела напрямик в разрытую могилу, хватая воздух широко раскрытым ртом и не выдержав даже первого удара, который мне нанес мой персональный палач.

Глава 7. Бес

Мы познакомились с Женей ещё в тюрьме. Парня все считали за чокнутого. Он сидел за жестокое убийство двоих мужчин, но вы бы никогда в жизни не догадались бы о подобном, глядя на всегда весёлого, сыпавшего шуточки светловолосого пацана с озорными карими глазами. Казалось, на его лице навсегда застыла задорная усмешка. Он просто не бывал серьёзным ни секунды. В месте, которое наводило тоску на любого. И, откровенно говоря, именно этим и раздражал. Ужасно раздражал тем, что постоянно что-то напевал себе под нос. Глупые бессмысленные песенки, за которые хотелось приложить его носом об решётку. И ведь прикладывали. И не раз по морде получал за то, что авторитетов не признавал. Мог брякнуть что-то провокационное про любого из эков. Потом харкал кровью долго, конечно, несколько раз в больницу попадал с переломами рёбер. Выходил и снова начинал бесить своим позитивом. И меня бесил. Ужасно. В первую очередь, глупостью своей. Нарывался постоянно, наступая на одни и те же грабли своими шутками и задиристым характером. А с другой стороны вызывал непонимание и...какой-то интерес. Интерес увидеть, понять, что должно случиться с этим идиотом, как сильно должны проломить ему череп, прежде чем он угомонится.

Я прокололся именно на этом своём интересе. Когда завели нас в душ на помывку, и там Женька три выродка опустить хотели. Когда увидел, как вдруг вместо тщедушного паренька с острым языком, начал отбиваться, грязно матерясь, совершенно другой человек. Злой. По-звериному злой. Ни хрена не испугался он тогда. Вот это, наверное, и зацепило. Что дрался не на жизнь, а на смерть, без унижительной мольбы, которую у него требовали ублюдки. Раскидал я тогда этих тварей и сказал, если кто парнишку хоть пальцем тронет, дело со мной иметь будет.

И всё. Словно приговор себе подписал. До конца жизни с этим придурком мыкаться. Жаль только, что оказалось, до конца его жизни.

Он рассказывал, что убил двоих подонков, напавших на его возлюбленную. Жёстко убил. Отметелил подвернувшейся под руку металлической трубой. Говорил, сам не понял, что раскрошил череп одного из них на части, пока его не оттащили менты. Конечно, я не поверил. Восемьдесят процентов сидельцев, стоит спросить их, за что закрыли, скажут, что невиновны. Их подставили, они оборонялись, и самая благородная версия – спасали слабого от смерти. Старушку, ребёнка, женщину. И сплошь крадут все, чтобы оплатить операции больным братьям и сёстрам с племянниками. Люди боятся признать себя конченными мразями, ища любую попытку зацепиться за маску человечности.

Тогда же Жека и раскрыл причину этой самой жизни в нём, которая была фонтаном, ошпаривая каплями жгучего счастья. До костей ошпаривая, вызывая желание держаться подальше от этой смертельной дряни.

Её звали Марина. Она писала ему каждую неделю, и он ждал этих писем, как ждёт жаждущий глотка воды. Хотя не совсем так. У Жени всегда было то, чего никогда не было у меня, и чему мог позавидовать любой мужик, особенно отсидевший на зоне. У него была уверенность в том, что начало недели он встретит письмом от неё, что она ждёт и будет приходить на каждое разрешённое свидание.

Нет, я не спрашивал его ни о чём. Как и он не спрашивал меня, хочу ли я это всё узнавать, когда садился рядом или на прогулке начинал рассказывать свои планы на жизнь. На жизнь с ней. Поначалу мне было плевать. Потом я начал посмеиваться, появился новый интерес – когда драгоценная Марина всё же опрокинет нашего солнечного парнишку, когда ей надоест строить из себя верную и любящую девушку. Было бы забавно посмотреть, куда денется его чувство юмора после этого.

Но затем меня выпустили, и я забыл о Жене на долгие полгода. Пока меня не нашла она. Девчонка с тёмными волосами и светло-голубым глазами. Одному чёрту известно, как она умудрилась сделать это здесь, на севере, кого она подключила и какими средствами расплачивалась. Но она просила помочь ему. Обещала, что её родители сделают что угодно, заплатят, сколько я потребую, только бы я вытянул его. Это он рассказал ей когда-то про меня, почему-то назвал своим лучшим другом, а она и запомнила. Оказывается, этот идиот всё-таки доигрался. Избили его так, что ни ходить, ни даже дышать не мог. И обещали прикончить, если выйдет с больницы. А мне было смешно. Тогда у меня

уже было достаточно власти, чтобы вытащить из тюрьмы паренька. Но я не видел в этом надобности для себя. Так и сказал ей. Что плевать, сдохнет её ненаглядный в камере или от туберкулёза в больничке, чтобы уезжала тихо-молча из города и никогда больше не ходила к злым дядям за помощью. А она разревелась и, положив руку на живот, призналась, что беременная, и что не видит смысла в своей с ребёнком жизни, если любимого не станет. Долго редела, сидя на стуле в моём кабинете, и у меня не нашлось сил, чтобы вытолкать её оттуда восвояси.

Сдался, конечно. Куда я мог деваться, глядя в её потемневшие, заполненные чистым хрусталём слёз глаза, в которых сквозила решимость., и в которых я словно видел свои собственные воспоминания. Сколько таких же моих детей вынашивали десятки женщин...и ни для одной моя жизнь не стала ценнее собственной. Тогда я подключил Тимофеича и Кощея, которые и обеспечили сначала Жене перевод в другую больницу, а после и выбили для него освобождение. Как раз под амнистию.

А потом он приехал ко мне, приехал, потому что Маринке плохо стало, и её в больницу положили. Тогда она на большом сроке была уже. Мне и позвонила, когда родила Марика на два месяца раньше срока. Жека в дороге был ещё, и ей, оказалось, больше некому звонить.

Вот так эти двое связали меня накрепко со своей семьёй. Даже не спросив позволения. Нагло. Навсегда. Так связали, что не развязаться уже. Только не после того, как к Марку в больницу ездил через день и наблюдал сквозь стекло, как лежит и ручонками шевелит в своей люльке стеклянной, больше похожей на какую-то капсулу прозрачную. Почему ездил? Я не знаю. Почему докторам конверты в карманы совал, только чтобы за ним и за матерью его приглядывали должным образом, тоже не знаю. И почему, когда приехал Женя, не перестал приходить к ним в больницу, ошалевший, когда увидел того самого солнечного весёлого паренька полуживым. Нет, не физически, хотя теперь его лицо было трудно узнаваемым, со сломанным носом и несколькими челюстно-лицевыми операциями. Из него та самая жизнь словно выпарилась. А может, застыла, в томительном ожидании, пока те двое пойдут на поправку. В глазах застыла бездна тревоги. В самых уголках, где раньше озорные черти бесновались. Осунулся весь, словно истлел сам. Ни хрена не знаю, почему предложил ему остановиться у себя и всё так же продолжал ездить в роддом и смотреть на пацана. Смотрел на него и представлял другого ребёнка. Того, что мог бы моим быть. Того, на которого смотреть бы мог вот так же...только подышать от

нежности к нему, от дичайшей любви к маленькому созданию, только потому что мой он. Только потому что в его венах моя кровь, мои проклятые гены...а ещё потому что она мне его родила. Потому что в нём и её кровь, потому что он был бы тем самым плодом нашей грёбаной одержимости друг другом. И я любил каждую, даже самую маленькую, частицу её, больше, чем весь мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/soboleva_ul-yana/bes

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)